

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ БОЛЕЕ ШИРОКОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНСТРУКЦИЙ С ГЛАГОЛЬНОЙ ФОРМОЙ *есть* В РУССКИХ ГОВОРАХ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА ПО СРАВНЕНИЮ С ОСТАЛЬНЫМИ РУССКИМИ ГОВОРАМИ

В. И. ДЕМЕНТЬЕВА

Большинство русских говоров по характеру употребления *есть* не отличаются от литературного языка — точнее от разговорной речи. Употребление более широкого, чем в литературном языке и большинстве говоров, круга конструкций с глагольной формой *есть* — особенность, характерная для говоров на территории Псковской, Новгородской, Ленинградской, Архангельской, Вологодской, Калининской областей, а также для русских говоров на территории Прибалтики и Карельской АССР.

Применительно к данной территории мы и используем определение „северо-запад“ Территория северо-запада включает в себя ладого-тихвинскую, вологодскую, онежскую, лачскую, белозерско-бежецкую группы говоров северного наречия и новгородскую, гдовскую, псковскую группы западных среднерусских говоров¹.

Известно, что положение о возможности влияния на русские говоры в пределах территории северо-запада прибалтийско-финских языков имеется в работах целого ряда исследователей: А. А. Шахматова², А. М. Селищева³, Т. Ю. Строгановой⁴, Ф. П. Филина⁵, И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко⁶.

¹ Характеризуя территориальную приуроченность диалектных конструкций с глагольной формой *есть*, мы пользуемся тем членением русских говоров, которое представлено в работах: Русская диалектология. Ред. Р. И. Аванесов, В. Г. Орлова. М., 1964; Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

² Шахматов А. А. Великорусская диалектология. Лекции. Раздел VIII „Влияние наречий и влияние иноязычное“ (рукопись), с. 17

³ Селищев А. М. Соканье и шоканье в славянских языках. — „Slavia“, 1931, гоѣх, сеѣ. 4, с. 718—741.

⁴ Книга. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970. Раздел „Западные и среднерусские говоры“, с. 447—448.

Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского белорусского языков. М., 1972, с. 448.

⁶ Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. К вопросу об употреблении *есть* в русских говорах. — В кн.: Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968, с. 148.

Факты, свидетельствующие о влиянии эстонского языка на говоры русского населения, живущего в Эстонии, приводятся, в частности, в монографиях Х. И. Хейтер⁷ и В. В. Мюркхейн⁸.

Что касается конструкций с глагольной формой *есть* (типа: *Она такая скряга есть; Она здешняя есть; Здесь красиво есть*), то нами установлено, что употребление данных конструкций в современных говорах на территории северо-запада существенно отличается от употребления их в памятниках древнерусской письменности⁹. Это дает основание предполагать, что функционирование конструкций с глагольной формой *есть* в современных русских говорах является не только сохранением традиции, но и новообразованием.

В пользу предположения о том, что употребление конструкций с глагольной формой *есть* на территории северо-запада развилось в процессе взаимодействия русских говоров с прибалтийско-финскими языками, свидетельствует сопоставление материалов, касающихся употребления данных конструкций в русских говорах, с одной стороны, и в прибалтийско-финских — с другой. Подобное сопоставление позволяет говорить об известном сходстве в функционировании данных конструкций в русских говорах и прибалтийско-финских языках¹⁰.

Настоящая статья содержит экстралингвистические данные, которые могут свидетельствовать в пользу подобного предположения.

Располагая материалами, характеризующими состав населения на территории северо-запада в настоящее время, и данными, свидетельствующими о характере расселения различных финских племен на этой территории в истории, рассмотрим эти материалы дифференцированно для каждой области (в пределах той территории, с которой в настоящее время имеется регулярный материал об употреблении диалектных конструкций с глагольной формой *есть*) с тем, чтобы показать, в какой степени территория каждой из областей, представленная в большинстве своем русским населением, характеризуется наличием прибалтийско-финского этнического континента.

Псковская область

В книге „Народы европейской части СССР“¹¹ имеются данные о том, что среди русских Печерского р-на Псковской обл. живет небольшая группа эстонского населения — так называемые сету. Это потомки обитавшего на Псковщине чудско-эстонского населения, с которым позже смешивались

⁷ Хейтер Х. И. Фонетика и морфология островного русского говора Ийзаку на территории ЭССР. Автореф. канд. дисс., Тарту, 1970, с. 14—15, 19, 22—24.

⁸ Мюркхейн В. В. Фонетико-фонологическое и морфологическое описание русского старожильческого говора с. Мехикоора Эстонской ССР. Канд. дисс. Заключение (рукопись). Таллин, 1970, с. 281—288.

⁹ См. Дементьева В. И. Конструкции с глагольной формой *есть* (от *быть*) в современных русских говорах на территории северо-запада. Канд. дисс. (рукопись). М., 1973, с. 81—121.

¹⁰ Дементьева В. И. Указ. соч., с. 136—144; она же, Конструкции с глагольной формой *есть* в современных северо-западных русских говорах. — „Советское финно-угроведение“, 1973, IX, 2, с. 105—106.

¹¹ Народы европейской части СССР, ч. II. М., 1964, с. 210.

многочисленные пришельцы из юго-восточных районов Эстонии. Тут же указывается, что отдельные группы эстонцев встречаются также в Красногородском р-не и в северной части Псковщины. Подобные же данные находим в книге „Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР“¹², где отмечается, что в Печерском р-не Псковской обл. имеются деревни, населенные сету — эстонцами православного вероисповедания, при этом названы два населенных пункта — д. Затрубье и д. Загорье Печерского р-на. Е. О. Малышевская¹³ отмечает, что на территории Псковской обл. эстонское и русское население находилось в непосредственном и продолжительном общении, а местами было смешанным и мирно сожительствующим на протяжении долгого периода.

Ю. Трусман в работе „Полуверцы Псково Печерского края“¹⁴ указывает на то, что первоначальное население Псковской губернии и Псково-Печерского края, в частности, принадлежало к финскому населению, что подтверждается, по мнению автора, данными топонимики: названия урочищ, рек, озер здесь большей частью финского происхождения. Ю. Трусман утверждает при этом, что так называемые сету „не переселенцы из Лифляндии, как некоторые думают, но аборигены, последняя эмиграционная ветвь финского племени, некогда занимавшего весь за-Пейнуцкий край и большую часть Псковской губернии“ Определяя границы расселения сету для конца XIX в., автор пишет, что она „совпадает с границей Псковской губернии, именно: начиная с Быборки по р. Воо при впадении в р. Пейнус и переходя по р. Меде к югу по р. Пижме и затем по ней к западу до Новгорода и, наконец, отсюда несколько южнее Псковского шоссе; с юга граница, начиная с Паниковичей до Изборска, идет несколько севернее шоссе. Восточная граница не может быть определена, или, вернее, ее не существует, так как чем восточнее от Лифляндской границы, тем смешаннее становится население с чисто русским“.

Новгородская область

В статье Д. В. Бубриха „Русское государство и формирование карельского народа“¹⁵ отмечается тот факт, что карельский язык в настоящее время распространен „отчасти и на территории Новгородской обл.“

Интересны данные, представленные в статье Д. В. Бубриха, о составе населения Новгородской обл. в прошлом. Так, Д. В. Бубрих пишет, что новгородцы весьма близко „соприкасались с чуждью“ (этим термином автор называет весь). „Ближайшая чуждь гнездилась недалеко от Новгорода, в долине Волхова, и от нее ведут начало такие названия в этих местах, как Чудово. Она представляла собой нечто разношерстное и очень смешанное с неприбал-

¹² Материалы и исследования по этнографии русского населения европейской части СССР. М., 1960, с. 6.

¹³ Малышевская Е. О. Описание диалекта д. Узьмино Псковской обл. Струго-Красненского р-на. Авторефер. канд. дисс. Тарту, 1951, с. 5.

¹⁴ Трусман Ю. Полуверцы Псково-Печерского края. — „Живая старина“, 1880, вып. 1, с. 36.

¹⁵ Бубрих Д. В. Русское государство и формирование карельского народа. — В кн.: Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1971, с. 4—11.

тийско-финскими элементами, о чем можно догадываться по археологическим находкам в долине Волхова, представляющим особый волховский тип". Чудь не представляла собой образование племенного типа, а была некой массой, „толкущейся у „ворот Новгорода“ Однако Д. В. Бубрих отмечает при этом, что волховская чудь была недолговечным явлением. Русское государство крепло, и долина Волхова заселялась новгородцами. Волховская чудь должна была частью ассимилироваться последними, а частью выселиться. Кроме ближайшей чуды, как сообщает Д. В. Бубрих, новгородцы тесно соприкасались с той чудью, которая с самого начала вошла в состав Русского государства. „Эта чудь обитала частью по левую, а частью по правую сторону Волхова, представляя собою еще не разрушившееся образование племенного типа“. Далее, опираясь на данные, доставленные раскопками В. И. Радоникиаса, Д. В. Бубрих говорит о том, что в IX в. „основные, постоянные поселения веси находились у юго-западного побережья Ладожского озера, в углу между Волховом и Свирью, по рекам Сяси, Паше, Ояти без верховья, отчасти по самой Свирь“ О составе населения Новгородской обл. в более позднее время – нач. XVII в. – имеются данные в книге А. С. Жеребина „Переселение карел в Россию в XVII в.“¹⁶, в которой отмечается, что „значительная часть карельских переселенцев (после Столбовского мира 1617 г.) поселилась на Новгородской земле, главным образом в окрестностях самого Новгорода, по р. Мсте, в Валдайском округе, у Старой Руссы“

Ленинградская область

Этнический состав населения Ленинградской обл. очень разнообразный. Так, в книге „Народы европейской части СССР“¹⁷ отмечается факт расселения в Ленинградской обл. двух групп вепсов: средних, которые обитают по верхним течением рек Ояти и Капши с их притоками (Винницкий, Капшинский, Лодейнопольский р-ны); и южных, которые живут в северной части Ефимовского р-на. Кроме того, значительное число вепсов живет в Ленинграде и Подпорожье. Подобные же данные о расселении вепсов в Ленинградской обл. находим и в работе Г. Дечи¹⁸. В. В. Пименов¹⁹ дает приблизительно такую же картину расселения вепсов в Ленинградской обл.: „Значительное скопление вепсских деревень находится в верхнем и среднем течении р. Ояти, в большей мере совпадая с границами бывшего Винницкого р-на. Восточнее, вдоль границы Ленинградской и Вологодской обл., протянулась неширокая полоса, ставшая районом расселения группы вепсской народности – шимозерских вепсов. В последние полтора десятилетия основная масса жителей переселилась отсюда в селения южного Прионежья – Вознесенье и города Посвирья – Лодейное Поле и Подпорожье“ Кроме вепсского населения, в окрестностях Ленинграда и окружающих районах, частью в самом

¹⁶ Жеребин А. С. Переселение карел в Россию в XVII в. Петрозаводск, 1956, с. 74.

¹⁷ Народы европейской части СССР, ч. II, с. 364.

¹⁸ Detschi G. Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Wiesbaden, 1965, S. 51.

¹⁹ Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М. – Л., 1965, с. 5.

городе, живут разрозненные группы финского населения. Указания на это имеются в книге С. А. Токарева „Этнография народов СССР“²⁰. Здесь же отмечается, что в Ленинградской обл. обитают ижорцы и воль – народности, родственные ленинградским финнам, которые до Второй мировой войны жили к югу от Финского залива, в Кингисепском р-не, а в настоящее время живут в р-не Гатчины, близ Ленинграда.

Водско-ижорское население этого края в прошлом было более многочисленным и находилось в составе Новгородского государства, обитая чересполосно с русскими. Данные об этом находим в книге „Народы европейской части СССР“²¹. В истории общность территории, экономики, государственных интересов, борьба с общими врагами привели к тому, что воль и ижора стали органической частью русского государства. Прочность этого слияния выявилась после Столбовского мира 1617 г., когда ижорская земля отошла к Швеции, и значительная часть ижорского населения устремилась на земли Русского государства. Миграция была массовой. Часть ижоры поселилась на притоках р. Оредежа. В указанной выше работе об ижорском населении этого района имеются цифровые данные: „В 1876 г. ижоры насчитывались 2176 чел., и в 1911 г. ижорский язык там был распространен широко, но уже в 1936 г. его помнили лишь старики, а в 1950 г. и таких оставалось считанные единицы“

Вологодская область

Этнографические данные свидетельствуют о том, что и на территории Вологодской обл. в настоящее время имеется ряд населенных пунктов с финским населением. Так, в книге „Народы европейской части СССР“²² отмечается, что „в Вытегорском р-не Вологодской обл. есть ряд пунктов, населенных средними вепсами, значительная часть которых переселилась за последние годы на южный берег Онежского озера. Кроме того, в 70 км на запад от Белого моря (Бабаевский р-н Вологодской обл.) есть два крупных гнезда вепских деревень. Часть южных вепсов живет в Вытегре“ Указания на то, что вепсы проживают в Оштинском и Шольском районах Вологодской обл., находим у Н. И. Богданова²³, Г. Дечи²⁴. А. С. Жеребин²⁵ отмечает, что в середине XVII в. в Вологодском уезде встречаются карельские переселенцы. М. Н. Буваляцева²⁶ высказывает предположение о том, что на всей территории Белозерского р-на Вологодской обл. до проникновения сюда славян жили различные финские племена. И. Харузин²⁷ утверждает, что „на основании не-

²⁰ Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958, с. 126.

²¹ Народы европейской части СССР, ч. II, с. 312–313.

²² Там же, с. 364.

²³ Богданов Н. И. К истории вепсов. – „Изв. Карело-финского филиала АИ СССР“, 1951, № 2, с. 21.

²⁴ Detschi G. Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, S. 51.

²⁵ Жеребин А. С. Переселение карел в Россию в XVII в. с. 75.

²⁶ Буваляцева Н. П. Горы Белозерского р-на Вологодской области. Автореф. канд. дисс. М., 1955.

²⁷ Харузин И. Из материалов, собранных среди крестьян Пулужского уезда Олонецкой губернии. – В кн.: Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран, № 16. Л., 1930, с. 164.

которых литературных данных можно предположить, что район, занимавшийся некогда вепсами, значительно превосходит тот, который мы имеем в настоящее время. Возможно существование вепсов в Вытегорском р-не Вологодской обл., к югу от Онежского озера". Д. В. Бубрих²⁸, обращаясь к данным топонимики, говорит о том, что в некоторых названиях „проглядывает вепская, а не какая-нибудь специфика“ и для примера берет название реки и города Вологды, объясняя его из вепского „алгэд, воугэд“ — „белый“

Архангельская область

Этнографических данных, свидетельствующих о том, что в состав Архангельской обл. в настоящее время входят финские народности, нет. Самые поздние данные о наличии финского этнического компонента в составе населения Архангельской обл. относятся к концу XIX в. Так, И. Камкин²⁹ отмечает, что в Поморье есть одно селение, затерявшееся среди русско-лопарского населения Терского берега (на Кольском полуострове), которое состоит из карел.

Г. Дечи³⁰ указывает также на то, что в 80-х годах XIX в. деревни с вепсами были в округе Исаева и Каргополя. П. Ефименко³¹ говорит о том, что в Архангельской обл. можно найти отдельные поселения карел по берегам озера Хомского, в Онежском уезде у Онежской губы, по рекам Галище и Кянда (селения Покровское, Кянда, Нижмозерское), в Онежском уезде находятся также и село карел, совершенно обрусевших, — д. Пурнема на р. Пурнема.

Данных по истории этнического состава населения Архангельской обл., относящихся к более раннему времени, значительно больше. Эти данные весьма разнообразны: они представляют собой материалы, основанные на археологических данных, показаниях памятников письменности, топонимических исследованиях, на фактах, почерпнутых из различных народных преданий. В книге „Народы европейской части СССР“³² имеются указания на то, что при передвижении вези в истории одна из ее групп, „пройдя значительное пространство в северо-восточном направлении, достигла бассейна Двины вплоть до ее устья, а также р. Удоры, где она известна под именем Заволочской чуди. Имещащая в данной книге карта расселения племен и народов Восточной Европы в IX-X вв. фиксирует расселение чуди почти на всей территории Архангельской обл. за Онежским озером — по рекам Северной Двине, Онеге, Пинеге, Мезени и даже Сухоне. Д. В. Бубрих³³ отмечает, что известия о чуди заволочской должны связываться с всей. Именно весь в свое время была заинтересована в эксплуатации Севера, и именно она вла-

²⁸ Бубрих Д. В. Русское государство и формирование карельского народа. — В кн.: Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1971, с. 12.

²⁹ Камкин И. Архангельские карелы. Этнографический очерк. — „Древняя и Новая Россия“, 1880, янв., т. XVI, с. 281.

³⁰ Detschi G. Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. S. 52.

³¹ Ефименко Л. Заволодская чуда. Архангельск, 1869, с. 95

³² Народы европейской части СССР, ч. II, с. 365.

³³ Бубрих Д. В. Русское государство и формирование карельского народа. — В кн.: Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1971, с. 11.

дела входами в Заволочье-Онежским и через Сухону. Это подтверждается и археологическими данными, которые „не оставляют сомнения в том, что заволочская чудь — это весь, поскольку она предпринимала промыслово-торговые поездки в Заволочье, тут и там заводила более или менее постоянные поселения. Предметы, происходящие из юго-восточного Приладожья или (транзитом) из более западных мест, известны по Онеге, Ваге и Пинеге, отчасти около Сухоны“ Д. В. Бубрих предполагает, что в IX в. территория промыслово-торговых поездок и разбросанной колонизации веси простиралась очень далеко. „Ярко обозначилось колонизационное движение на периферию Онежского озера, в частности, на восточное его побережье, и продолжение этого движения в восточном направлении на р. Онегу“ Это предположение, по мнению автора, подтверждается археологическими данными и веской топонимикой. Очевидные прибалтийско-финские элементы в топонимике Заволочья вскрыл, например, А. Шегрен³⁴. Так, А. Шегрен говорит о том, что следы чудской топонимики имеются в Каргопольском уезде на границе с Вологодской обл. Особенно заметна, по мнению автора, специфика названий чудского происхождения в наименованиях рек и озер. То же самое находим у А. К. Матвеева³⁵, который на основе большого топонимического материала дает убедительную интерпретацию дославянских топонимов, утверждая, что „картографирование топонимических основ показывает, что вся северо-западная половина региона перед приходом русских была занята прибалтийскими финнами, на крайнем западе Архангельской обл. находилась прибалтийско-финская чудь. В бассейне в. Выг (приток Пинеги) и в некоторых местах по среднему течению Пинеги обнаруживаются названия вепско-людиковского типа. По северу расселились различные этнические группы прибалтийских финнов. Прибалтийские финны успели создать на Севере свою специфическую топонимию, включая и речные названия“ В. В. Сенкевич-Гудкова³⁶ высказывает предположение о том, что географические названия Кольского полуострова, в частности, оформленные на *-нч*, *-нъг*, *-к*, были даны заволочской чудью рекам, которые для нее были естественными путями сообщения по болотистым и часто непроходимым местам полуострова. Некоторым подтверждением этого, по мнению автора, служит наличие топонимов с данными суффиксами на европейском севере России, т. е. в тех местах, где жила заволочская чудь или которые она часто навещала. В северной части Заволочья, по мнению Д. В. Бубриха, весь действовала довольно долго, и период до XIII в. характеризуется в истории веси разбрасыванием ее по громадной территории в порядке промысловых поездок. В. В. Пименов³⁷ отмечает, что нельзя недооценивать передвижения вепсов

³⁴ Schergen A. Über die älteren Wohnsitze der Jemen. Ein Beitrag zur Geschichte der tschudischen Völker in Rußland aus den Memoires de Academie imperiale des Sciences de St. — Petersburg YI serie Sciences Politiques Historire. — „Philologie“, t. 1, 4, Livraison, с. 339—340, besonders abgedruckt.

³⁵ Матвеев А. К. Происхождение основных пластов субстратной топонимики Русского Севера. — ВЯ, 1969, № 5, с. 23.

³⁶ Сенкевич-Гудкова В. В. Структурно-словообразовательные элементы в топонимике Кольского полуострова. — „Уч. зап. Карельского гос. пед. ин-та“, 1967, т. XVII (Вопросы языкознания), с. 97.

³⁷ Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М. — Л., 1965, с. 249.

как в рамках коренной этнической территории, так и за ее пределами, ибо благодаря им возникали новые группировки вепсского народа, указывая в качестве примера местности близ Каргополя, Исаева. Поселения карел в Беломорье, как отмечает Д. В. Бубрих³⁸, происходили на перевале от XIV к XV вв. Эти поселения находились в различных пунктах: так, Д. В. Бубрих говорит о том, что много поселений карел этой эпохи известно по Белому морю от Варзухи на Кольском полуострове до окрестностей Никольско-Карельского монастыря в низовьях Северной Двины. В книге „Архангельская Карелия“³⁹ содержится предположение о том, что карелы в древности жили по берегам Белого моря и, в частности, в пределах Онежского, Архангельского и Холмогорского уездов. Данное предположение основывается на фактах топонимики: так, отмечается, что юго-западный берег Белого моря, населенный „исключительно русскими, носит до сих пор название Карельского берега; при устье р. Северной Двины стоит монастырь, называемый Никольско-Карельский, из истории которого видно, что он был основан в 1410 г. преподобным Евфимием среди карел, живших по морскому побережью между русскими поселенцами; одно из четырех устьев Северной Двины долго называлось Карельским; в 21 версте от Архангельска есть д. Карела (официально Большекарельская), а в Холмогорском уезде одно селение носит название Вашкаранда (официально Вашкаранская), но „вашкаранда“ — это карельское слово и в буквальном переводе означает „Медный берег“; в Онежском уезде в 40 верстах от г. Онеги есть д. Карельская, а в 205 верстах — д. Карелово. Однако первые поселения карел в XIV — XV вв. не сохранились, по линии моря распространились русские, а карелы стали заселять внутреннюю часть — к западу от р. Выг. О более поздних передвижениях карел на территорию Архангельской обл. имеются данные в кн. А. С. Жеребина „Переселение карел в Россию в XVII в.“⁴⁰. „После Столбовского мира карелы селились также в монастырских владениях Белозерского края и Двинского уезда. Уже в 20-х годах XVII в. они встречаются во владениях Соловецкого монастыря в Каргопольском уезде. Значительное количество переселенцев жило в отдаленном Антониево-Сийском монастыре и на его землях по Северной Двине“ При этом автор отмечает своеобразный путь передвижения карел в сторону Северной Двины: „выходя из-за швецкого рубежа на Олонец и севернее его — на Реболы и другие пункты, карелы в поисках пристанища двигались по средней и северной части Карелии на Поморье, оттуда на р. Онегу и далее до Северной Двины“. В середине XVII в., как указывает А. С. Жеребин, карельские переселенцы встречаются также, хотя и в меньшем количестве, на землях Кирилово-Белозерского монастыря. Своеобразные данные по этнографии населения Архангельской обл. находим в работах П. Ефименко „Материалы по этнографии населения Архангельской области“⁴¹ и „Заво-

³⁸ Бубрих Д. В. Русское государство и формирование карельского народа. — В Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1971, с. 17.

³⁹ Архангельская Карелия. Архангельск, 1908, с. 5.

⁴⁰ Жеребин А. С. Переселение карел в Россию в XVII в., с. 69.

⁴¹ Ефименко П. Материалы по этнографии населения Архангельской области. — „Труды этнографического отделения императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии“, 1871, кн. V, вып. 1—2.

лочская чудь"⁴². Второе исследование построено на основе изучения различных народных преданий о чуди. Обосновывая подобный подход, П. Ефименко пишет, что „проверяя народные предания о чуди некоторыми историческими данными, нельзя не видеть в них значительной доли исторической истины, а потому нельзя не придавать им серьезного значения"⁴³. Собрал и рассмотрев ряд народных преданий из различных мест Архангельской обл., П. Ефименко делает вывод: „Из преданий видно, что народная память заселяет древним племенем чудью почти все пространство Архангельской губернии"⁴⁴. Народные предания указывают на существование чуди, как на первых обитателей в Шенкурском уезде⁴⁵, в Холмогорском уезде⁴⁶; в Онежском уезде предания указывают на берега р. Онеги, как на обитаемые издревле „белоглазою чудью"⁴⁷; они подтверждают факт существования чуди в Пинежском уезде по берегам р. Пинеги⁴⁸. Для доказательства справедливости народных преданий П. Ефименко привлекает данные топонимики. Так, отмечая, что на Зимнем берегу также жила чудь, и ею основано селение Зимняя Золотица, автор подтверждает этот факт тем, что „до сих пор на берегу р. Золотицы, впадающей в море, есть местность, называемая Чудская Яма"⁴⁹. В исследовании находят объяснение как финские некоторые географические названия. Так, название р. Кяхта П. Ефименко объясняет как слово финское — „сочная река или ленивая, текущая без шума"⁵⁰. На основе преданий говорит о населении в древние времена финским населением Каргопольского края и Л. Светлов⁵¹. Он пишет, что память о финском племени Заволочской чуди сохранилась в преданиях о „чуди белоглазой“, которая представляется в виде разбойничьей шайки, жившей около озера Лаче и отсюда делавшей нападения на окрестные местности. Такого приводимое автором предание из Ухотского прихода (в 50 верстах от Каргополя) о нападении чуди, о поругании ею церкви и об ее чудесном ослеплении. Жителями этой местности указывается даже дорожка в болото, по которой шла чудь, и ее общая могила. Большинство населенных пунктов, как сообщает автор, носят чудские названия, например, само название Каргополь от чудского Каргу-пуоли — „Медвежья гора“

О преданиях, в которых фигурирует „чудь белоглазая“, и которые слышатся по рекам Онеге, Пинеге, Мезени, пишет и С. В. Максимов⁵². Так, автор сообщает, что по р. Мезени живет предание о том, как новгородцы утопили чудь в реке, а деревня при этом называется Чудепала (Чудь пала).

⁴² Ефименко П. Заволочская чудь. Архангельск, 1869.

⁴³ Ефименко П. Заволочская чудь, с. 40.

⁴⁴ Там же, с. 32.

⁴⁵ Там же, с. 17.

⁴⁶ Там же, с. 10.

⁴⁷ Там же, с. 20.

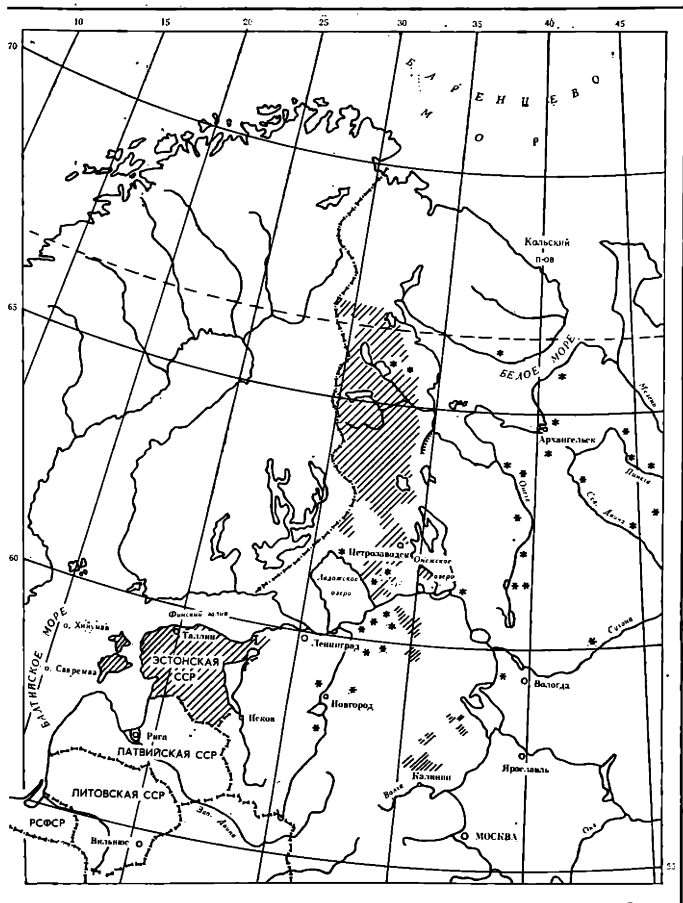
⁴⁸ Там же, с. 21.

⁴⁹ Ефименко П. Заволочская чудь, с. 19.

⁵⁰ Там же, с. 7.

⁵¹ Светлов Л. О говоре жителей Каргопольского края. — „Живая старина“, 1892, вып. 3, с. 156—157.

⁵² Максимов С. В. Год на Севере, т. II. СПб., 1859, с. 323.

Карта расселения прибалтийско-финских народностей. Заштрихованная территория — селение прибалтийско-финских народностей в пределах СССР в настоящее время; * — отмечены районы, применительно к которым имеются данные о наличии финно-угорских народностей в прошлом (знак ставится только на территории, где они в настоящее время проживают)

Калининская область

Значительная часть карельского населения, как сообщает Г. С. Маслова⁵³ живет в настоящее время в Калининской обл. Карелы Калининской обл. являются наиболее многочисленной группой карел СССР (по данным переписи 1926 г. их насчитывалось 150 тыс.). Они населяют Толмачевский, Лихославльский, Максатихинский, Рамешковский национальные р-ны, Сандовский, Вельегонский, Краснохолмский, Спировский и другие р-ны.

Карельская АССР

Данные о составе населения Карельской АССР имеются в книге „Народы европейской части СССР“⁵⁴, в которой указывается, что карелы живут в основном в западной части Онежского, Беломорского, Медвежьегогорского, Кондопожского, Сортавальского и Олонецкого районов.

В истории территория, занимаемая карелами, была значительно шире.

Так, в указанной выше книге отмечается, что предками современных карел в XI-XIII вв. были заселены три основные области:

1) территория племени карел к северу и западу от Ладожского озера;

2) заселяемая этим племенем северная часть нынешней Карелии;

3) территория Обонежья к северу от Свири, населенная двумя ветвями племени (людики и ливвики), впоследствии вошедшими в состав карельского народа. В период массового переселения карел после Столбовского мира 1617 г., как указывает А. С. Жеребин⁵⁵, можно было различить три направления — Олонецкий перешеек, который был знаком карелам еще издавна; другое направление переселения карел в это время — северная и средняя Карелия; третье — тверские земли.

Изложенные в статье данные о расселении финских народностей на территории северо-запада показаны в обобщенном виде на карте.

ON THE REASONS OF A WIDER FUNCTIONING OF CONSTRUCTIONS WITH THE VERBAL FORM “TO BE“ IN RUSSIAN DIALECTS SPOKEN IN THE NORTH-WESTERN AREA IN COMPARISON WITH THE REST OF RUSSIAN DIALECTS

V. DEMENTJEVA

Summary

The article covers ethnographical data characteristic of the population in the North-Western area at present, and material representing the settlement of various Finnish tribes in this area from historical point of view. The extra-linguistic data presented here speak in favour of the supposition that the usage of constructions with the verbal form is in the North-Western area developed in the process of interrelations among Russian dialects and the Baltic-Finnish languages.

⁵³ Маслова Г. С. Материалы по этнографии Калининской области. — „Советская этнография“, 1936, № 2, с. 80.

⁵⁴ Народы европейской части СССР, ч. II, с. 229—332.

⁵⁵ Жеребин А. С. Переселение карел в Россию в XVII в., с. 75.